

Брак в жизни студентов Московского
университета конца XIX – начала XX вв.

Несмотря на то, что, по свидетельству Г.Б. Слиозберга, «русский студент томился сознанием неизвестности предстоящего ему жизненного пути»¹, и «среди русских студентов были редки лица, не одержимые мировой скорбью»², некоторые студенты Московского университета были людьми женатыми. Как велика была эта группа в студенческой массе Московского университета конца XIX – начала XX в.? Как министерство народного просвещения и сам университет относились к возможности обучения людей женатых, обремененных семейными узами? Думается, что ответ на эти малоизученные вопросы позволит полнее понять историю и повседневность российского студенчества пореформенного периода (1860–1904 гг.).

К изучению семейной жизни студентов обращались исследователи разных эпох. Судя по очеркам П. Иванова³, обычным было отсутствие семьи у студентов, и это приводило к поиску временных подруг. Анализируя многочисленные примеры студенческих браков, П. Иванов выделял три основных причины для женитьбы: студенты могли жениться, стремясь к материальной выгоде (например, жили в квартире с условием последующей женитьбы на дочери хозяйки), могли вступать в брак по расчету, были и такие, кто создавали семью из идейных соображений (по словам П. Иванова, это был в основном платонический брак). Современный исследователь А.Е. Иванов согласен с оценками своего однофамильца

¹ Слиозберг Г.Б. Дореволюционное русское студенчество // Памяти русского студенчества. Париж, 1934. С. 82–95.

² Там же. С. 83

³ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы: Очерки. М., 1903.

и отмечает, что «женатые студенты и замужние курсистки составляли особый культурный феномен. Это была малочисленная категория учащихся высшей школы»⁴. Поддерживает А.Е. Иванов и выводы о распространенности «идейных браков», но считает, что среди мотивов женитьбы на первом месте стояли «конечно же, романтические: к этому предрасполагала молодость студентов и курсисток»⁵. Он указывает и на существование брака по расчету, на который студент соглашался ради возможности заниматься наукой, закончить университет и пр. Несмотря на распространение среди студентов «идейных браков», оба автора отмечают, что такие браки были менее продолжительными, тогда как наиболее стойкие браки складывались под патронажем родителей, а также у студентов, имевших собственные средства.

Рассуждения А.Е. Иванова базируются на анализе источников личного происхождения и «Половой переписи московского студенчества» приват-доцента Московского университета М.А. Членова. Статистика, которой располагал последний, была получена в результате анкетирования в 1903 г. 2150 студентов⁶. Участникам переписи были заданы 207 вопросов, в том числе касавшихся половой сферы и способов удовлетворения полового влечения. Сам перечень этих вопросов является несомненной данью раскованности и раскрепощения нравов рубежа веков, и ответы студентов могли значительно поколебать представления о моральных устоях в университетской среде.

По данным переписи М.А. Членова⁷, женатых студентов было менее 7%, хотя большинство опрошенных в начале XX в. студентов были вовсе не против женитьбы, более того — считали ее необходимой, а отсутствие же-

⁴ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М., 2010. С. 298.

⁵ Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 337.

⁶ Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 28–75.

⁷ Там же. С. 54–55.

ны объясняли экономическими соображениями (37,4 %) или тем, что «не представилось случая» (39,9 %).

Заключение ранних браков, по мнению М.А. Членова, могло разрешить вопрос организации половой жизни, но он вынужден был «отметить редкое количество женатых студентов и в то же время довольно сильное развитие среди них неомальтузионистических идей (меры против деторождения), причем это явление обуславливается в значительной степени, как и в зрелом обществе, чисто экономическими моментами»⁸.

Подтверждения тому, что среди студентов Московского университета были люди женатые, нетрудно обнаружить и в мемуарах студентов⁹, и в архивных материалах¹⁰, однако следует признать, что свидетельств этих даже наряду со статистическим исследованием М.А. Членова, охватывающими один лишь 1903 г., пока явно недостаточно для изучения семейной жизни студентов Московского университета. Расширить источниковую базу позволит обращение к законодательству, которое ранее не привлекалось для исследования студенческой семьи XIX— начала XX в.

С 1830 г. в Российской империи законодательно был определен брачный возраст с 18 лет для юношей и с 16 — для девушек¹¹ («воспрещено было священникам отныне впредь венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый осьмнадцати, а последняя — шестнадцати лет»¹²), с 1833 г.¹³ применение закона стало повсеместным (указ 1830 г. был объявлен не только священникам,

⁸ Членов М.А. Указ соч. С. 92.

⁹ Напр., см.: Мемуары «ректора бутырской академии». Воспоминания И.С. Вегера (отца) // Советское студенчество. М., 1936. № 4. С. 40–43; № 5. С. 68–70, Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). М., 1912.

¹⁰ Напр., см.: ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 11. Д. 23. Л. 36; Ф. 475. Оп. 19. Д. 141. Л. 28; Оп. 17 Д. 1212. Л. 4.

¹¹ ПСЗРИ 2. Т. 5. Ч. I. № 3807. С. 740.

¹² Там же.

¹³ Там же. Т. 8. Ч. I. № 6668. С. 789.

но и «всем обывателям без исключения»¹⁴). Таким образом, к середине века все достигшие 18-летнего возраста российские подданные, не исключая студентов, имели право заводить семью.

Примечательно, что ни в Уставе 1863 г., ни в Уставе 1884 г. возможность студентов вступать в брак специально не оговаривалась, не было опубликовано подобных установлений также и в правилах для студентов вплоть до появления правил 1885 г. Однако, как показал архивный поиск, запрещение студентам вступать в брак, появившееся в 1885 г., не было нововведением эпохи Александра III: ему предшествовала череда циркуляров министерства народного просвещения времени правления Александра II.

7 апреля 1880 г. попечитель московского учебного округа передал в Совет Московского университета следующее послание: «Г. министр народного просвещения предложением от 15 минувшего марта за № 3354 поручил мне сделать распоряжение, чтобы студентам не дозволялось вступать в брак и чтобы в число студентов не принимались лица женатые, чтобы это распоряжение было объявлено студентам Московского университета и оно включено в студенческие правила»¹⁵. Это самый ранний известный нам документ, запрещающий семейным студентам обучение в университете.

Однако через несколько месяцев, 3 июня 1880 г. попечитель передал ректору Московского университета противоположное распоряжение. В нем указывалось на то, что «в Высочайше утвержденном Уставе 1863 года не содержится запрещения студентам вступать в брак и что такое запрещение было установлено бывшим министром народного просвещения графом Толстым, [а потому. — М.Ф.] в связи с современными правилами о надзоре за студентами, он, статский секретарь барон Николай, находит, что ныне

¹⁴ ПСЗРИ 2. Т. 8. Ч. 1. № 6668. С. 789.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 49. Д. 241. Л. 2.

за отменой означенных правил удовлетворение подобных ходатайств зависит от университетского начальства»¹⁶.

Из этого послания попечителя становится очевидным, что запрещению вступать в брак студенты были обязаны министру Д.А. Толстому, однако, при новом министре А.А. Сабурове его идеи не были поддержаны. К своему распоряжению ректору университета попечитель присовокупил два прошения о женитьбе, поданных студентами второго курса медицинского факультета Московского университета Венедиктом Невировским и Николаем Коробовым.

Однако 25 ноября 1883 г. попечитель передал ректору новое письмо: «Вследствие конфиденциального циркулярного распоряжения министерства народного просвещения от 19 января 1880 года за № 28, бывший попечитель московского учебного округа в конфиденциальном предложении от 6 марта того же года за № 14 сообщил г. проректору Московского университета, чтобы университетское начальство отнюдь не дозволяло студентам университета вступать в брак и чтобы в число студентов не принимались лица женатые; заявляющих же желание вступить в брак или просящих о выдаче им бумаг, ясно с этой целью, предостерегать: что по вступлении в брак они не будут вновь принимаемы в студенты»¹⁷. Из этой первой части послания следует, что идея запрещения студенческих браков появилась не позднее 20 января 1880 г., когда она была озвучена министром в конфиденциальном циркуляре. По всей видимости, конфиденциальное предложение проректору от 6 марта 1880 г. за № 14 было по содержанию таким же, как и письмо совету Московского университета от 15 марта 1880 г. за № 3354.

Во второй части письма попечитель передал ректору инструкции очередного министра (А.Д. Делянова): «Ныне же г. министр народного просвещения, уведомляя меня, что по дошедшим до него сведениям оказывается, что начальст-

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 49. Д. 241. Л. 4, 4 об.

¹⁷ Там же. Оп. 52. Д. 515. Л. 1, 1 об.

во некоторых университетах разрешает студентам университета вступать в брак до окончания ими курса... предложением от 22 прошлого октября, за № 13554, просит меня подтвердить начальству Московского университета о строгом исполнении вышеупомянутого циркуляра»¹⁸.

После такого распоряжения появление § 17 в «Правилах для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов» 1885 г. можно считать вполне закономерным завершением реализации идеи Д.А. Толстого, занявшему к тому времени пост министра внутренних дел. Указанный параграф гласил: «Студентам воспрещается вступать в брак во все время пребывания их в университете»¹⁹.

Трудно судить, всегда ли исполнялся на практике этот пункт. За период с 1885 по 1892 г. пока не удалось обнаружить документов, позволяющих установить, соблюдался ли запрет для семейных обучаться в университете. Однако можно с уверенностью говорить, что с 1892 г. начинает складываться система подачи прошений на разрешение студенту вступить в брак.

Изначально она включала следующий алгоритм действий: студент подавал прошение министру народного просвещения о разрешении ему вступить в брак; министр через попечителя учебного округа посылал в университет ответ на прошение (он давался с формулировкой «со своей стороны не встречает препятствий» или же с указанием на отказ без объяснения причин), после этого получивший разрешение студент собирал необходимые документы (поначалу требовалось только согласие родителей жениха и невесты на брак) и вновь отправлял их министру, чтобы в итоге получить «свидетельство на вступление в брак».

На примере одного из ответов министра, переданных попечителем, видно, как реализовывалась эта схема: «Г. министр народного просвещения предложением

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 52. Д. 515. Л. 1 об.-2.

¹⁹ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб., 1885. С. 14.

от 21-го сего апреля за № 7230 уведомил меня, что он со своей стороны не встречает препятствий к разрешению студентам Московского университета Константину Острейко и Михаилу Селиванову, согласно их прошением, вступить в брак, если они отличного поведения. Уведомляя о сем Ваше Превосходительство для зависящих распоряжений, нужным считаю присовокупить, что свидетельства на вступление в брак должны быть выданы студентам Острейко и Селиванову по представлении ими письменных согласий родителей женихов и невест»²⁰.

В Таблице приведены данные о количестве студентов, которые смогли воспользоваться предоставленной возможностью и получили заветное разрешение министра.

Как видно по Таблице, больше всего первичных прошений министру в 1896 г. (74), в следующем году их было почти вдвое меньше (40), а к 1899 г. они прекращаются вовсе. Это объясняется тем, что с 1899 г. устанавливается новый порядок подачи прошений, возможно, связанный с очередной сменой министра народного просвещения: в начале 1898 г. этот пост занял Н.П. Боголепов.

Отныне студент наряду с прошением подавал и необходимые документы, число которых увеличилось: к согласию родителей добавился еще и отзыв о благонадежности двух будущих супругов. Ректор университета со своей стороны отправлял в министерство народного просвещения бумагу следующего содержания:

«Студент Императорского Московского университета *ФИО* подал мне прошение о разрешении ему вступить в брак с *ФИО*. Вследствие сего и на основании предложения Господина Управляющего Министерством Народного Просвещения от 18 мая 1898 года, за № ***, имею честь предоставить таковое ходатайство на благоусмотрение Вашего Превосходительства, присовокупляя, что *ФИО студента* поведения [хорошего или очень хорошего] и что со стороны Университета к удов-

²⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 307. Д. 980. Л. 2.

**Ответы министра народного просвещения
относительно прошений студентов по поводу
вступления в брак**

Годы	Положительный ответ министра на первое заявление желающего вступить в брак	Разрешение министра, последовавшее за представлением документов и второго заявления желающего вступить в брак
1892	15	0
1893	26	5
1894	51	3
1895	63	9
1896	74	19
1897	40	8
1898	3	22
1899	0	35
1900	0	0
1901	0	24
1902	0	53
1903	0	51
1904	0	0

Источники: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 306. Д. 11; Оп. 307. Д. 980; Оп. 308. Д. 1170; Оп. 309. Д. 1086; Оп. 310. Д. 1117; Оп. 311. Д. 1150; Оп. 312. Д. 1097 ч. 1.; Оп. 313. Д. 858; Оп. 315. Д. 1054; Оп. 316. Д. 1189; Оп. 317. Д. 1374; Оп. 63. Д. 90.

летворению его ходатайства препятствий не встречается. При сем прилагаются документы по описи [прошение студента, разрешение отца его, разрешение матери, разрешение отца невесты, разрешение матери, отзыв о благонадежности невесты]»²¹.

Таким образом, с 1899 г. подача прошений была упорочена, потому что студенту требовалось получить разрешение министра только один раз. Несмотря на дополнительное препятствие в виде необходимости получения отзыва о благонадежности, количество успешных заявок, как следует из Таблицы, возросло в несколько раз. С 1892 по 1898 г. очень немногие из получивших первое разрешение от министра добивались от него и окончательного

²¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Д. 858. Л. 8.

разрешения: за 6 лет был получены 272 первичных разрешения и только 66 окончательных разрешений (всего 24 %). Тогда как за время функционирования второго, упрощенного, порядка — с 1899 г. по 1904 г. — разрешение от министра получили 163 студента.

Итак, запрет на студенческие браки, введенный при министре просвещения Д.А. Толстом и формально действовавший, по крайней мере, до 1904 г., не стал непреодолимой преградой для студентов, пожелавших обзавестись семьей, и с 1892 г. был создан определенный порядок, обеспечивавший сохранение за семейными студентами их места и статуса. За 14 лет 229 студентов Московского университета вступили в брак. Однако являются ли полученные 229 разрешений на брак отражением устоявшейся тенденции по выработке принципиально иного, по сравнению с закрепленным в правилах 1885 г., подхода к вопросу о студенческих браках? С одной стороны, только в одном исследовании М.А. Членова в 1903 г. участвовало 2150 человек, и даже по отношению к ним 229 студентов, связавших себя браком, составят всего 10 %, что же говорить о соотношении с числом всех студентов за 1892—1904 гг. С другой стороны, в 1899 г. в Московском университете комиссия выдвигает на рассмотрение проект новых правил для студентов (он, впрочем, так и не был принят) и вносит в него следующее: «§17. Студентам дозволяется вступать в брак во все время пребывания их в университете лишь с разрешения ректора при соблюдении предъявленных им условий»²².

Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что существовавшая с 1892 г. система выдачи студентам разрешения на брак казалась важной и необходимой не только для самих студентов, но и для чиновников и университетского начальства, предложивших новый вариант студенческих правил.

²² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 68. Д. 521.Л. 39—39 об.